

**ФРАНСУАЗА ДОЛЬТО,
ЖАН-ДАВИД НАЗЬО**

РЕБЕНОК ЗЕРКАЛА

Франсуаза Дольто

Ребенок зеркала

«Когито-Центр»

1987, 1992

УДК 159.9
ББК 88

Дольто Ф.

Ребенок зеркала / Ф. Дольто — «Когито-Центр», 1987, 1992

Книга «Ребенок зеркала» (L'enfant du miroir) представляет собой публикацию беседы Ф. Дольто и Ж.-Д. Назьо на семинаре, организованном Ж.-Д. Назьо. Это своего рода введение в актуальную проблематику современного психоанализа и прежде всего психоанализа ребенка. Живой и заинтересованный диалог ученых затрагивает следующие темы: роль зеркала в жизни ребенка; сон и дыхание; функция человеческого лица; случай детской шизофрении; меланхолия; что представляет собой рисунок ребенка? Для врачей, психотерапевтов, психологов и всех, кто занимается детьми и интересуется проблемами психоанализа. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88

© Дольто Ф., 1987, 1992
© Когито-Центр, 1987, 1992

Содержание

Ребенок зеркала	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дольто Ф., Назьо Ж.-Д

Ребенок зеркала

Frangoise Dolto J.-D. Nasio
L'enfant du miroir

Перевод с французского: Н.И. Чельшева

© Чельшева Н.И., перевод, 2004
© «ПЕР СЭ», оригинал-макет, оформление, 2004
© 1987, Éditions Rivages
© 1992, Éditions Payot & Rivages

* * *

Ребенок зеркала

25 января 1985 г. Ж.-Д. Назьо пригласил на свой семинар Франсуазу Дольто, чтобы перед большой аудиторией поговорить о ее книге «Бессознательный образ тела» (*L'Image inconsciente du corps*). Seuil, Paris, 1984).

Ж.-Д. Назьо:

– В этот вечер я имею честь или, точнее, удовольствие встретиться в рамках нашего семинара с Франсуазой Дольто. Все мы знакомы с ее многочисленными публикациями, до нас постоянно доходят отклики о ее выступлениях перед аудиторией и о других разнообразных аспектах деятельности госпожи Дольто, посвященной проблемам психического здоровья. Мы знаем, как неустанно она работает. Благодаря присущему ей воодушевлению ей удастся передавать не только собственный опыт, но и некий почерк, стиль аналитика и, что особенно важно, передавать также этику аналитика через свою манеру слушать ребенка. Репутация Франсуазы Дольто как исключительного клинициста сейчас уже не нуждается в доказательствах. Но мы также знаем, как отголоски репутации, действуя скрыто, приковывают человека к некоему месту, награждая ярлыком, препятствующим раскрытию противоположных тенденций. Скажу точнее, репутация Ф. Дольто не вполне справедливо выдвигает на первый план ее интуицию гениального клинициста в ущерб теоретическому вкладу, который представляется менее важным. Однако последняя вышедшая в свет книга госпожи Дольто не только написана клиницистом, но, и это главное, принадлежит перу автора, который предлагает понятия, их выделяет, обозначает, снова связывает и иллюстрирует. Она не просто говорит о своей практике и о вытекающей из нее этике, но пишет свой труд, как композитор; она строит собственную теорию, совершенно законченную и устоявшуюся в своей связности. Было бы трудно поверить, что подобная проработка появилась лишь недавно; наоборот, книга подводит итог более чем тридцатилетнего концептуального развития и продвижения. В моем письме, выражая автору благодарность за получение книги, я написал, что мы можем с полным основанием считать этот труд главной вехой творчества Ф. Дольто и самым значительным теоретическим произведением. Вот почему ее присутствие среди нас является ответом на мое дружеское пожелание сделать предметом обсуждения ее концепцию образа тела и услышать, что она о ней скажет.

Я хотел бы, чтобы сегодня вечером мы могли задать вопросы Франсуазе Дольто, заняв позицию не снаружи, противопоставляя ее теорию другим точкам зрения, а как бы внутри ее собственного концептуального пространства. Начну, если вы позволите, с первого, самого простого вопроса по поводу выражения «образ тела»: как этот термин, «бессознательный образ тела», пришел тебе в голову? Что послужило источником данного понятия?

Ф. Дольто:

– Это очень любопытно. Термин фактически возник из игры слов, состоящей из трех частей. Понимаешь, размышляя над тем, от чего мы отталкиваемся, когда говорим, приходится констатировать, что говорим мы, отправляясь от некоего минимума идентичностей, которые все приобрели. Так вот, эти идентичности здесь будут составляющими слова *image* (образ, изображение – прим. пер.): первая буква «I» – от слова «*Identité*» (идентичность)¹, *ma*, первый слог в слове; «*тапап*» (мама), которому в речи ребенка обычно предшествует «*та тапап*» (моя мама), с последующим «*та тапап m'aime*» (моя мама меня любит), *m'aime* зву-

---

¹ Здесь и далее Ф. Дольто часто употребляет термин «идентичность» в значении неповторимость, которую приобрел каждый человек, непрерывность существования, идентичность самому себе, собственным индивидуальным чертам (прим. Катрин Дольто).

чит одинаково со словом «*même*» (тот же), указывающим на абсолютную идентичность). Наконец, «*ge*», последний слог слова «*image*», обозначающий землю, основу или еще тело, есть еще «*je*» (я, «*ge*» и «*je*» по-французски звучат одинаково), личное местоимение первого лица единственного числа. Перед вами *I-ma-ge*, то есть субстрат отношения к другому. Именно так родилось это слово, и я об этом говорила на семинаре Лакана. Мне даже пришлось написать ответ на письмо, в котором Лакан меня спрашивал: «Но почему ты все-таки называешь этот образ бессознательным образом *тела*?» Здесь необходимо понимать, что речь идет об образе, который исчезает, когда появляется образом отраженным. С образом зеркала, образом себя, узнанного в зеркале, – бессознательного образа тела уже почти что нет, исключения бывают только в сновидении. В реальности его уже нет, но, напротив, его присутствие очень сильно ощущается в психосоматическом страдании, он неизменно присутствует также у психотиков или коматозных больных.

В начале моей работы – где-то в году 1939 – *Образ тела (l'I-ma-ge du corps)* открылся мне благодаря рисункам и лепке детей, тем рисункам, которые были поняты как двумерные представления, выполненные пациентом в трех измерениях. Когда ребенок рисует, он всегда рисует свой собственный портрет; не будь этого, он бы не рисовал. Мы не рисуем, мы рисуем *себя* и видим себя избирательно в какой-либо из частей рисунка. Когда я искала самого ребенка в представленном образе, то всегда спрашивала: «А где на рисунке ты? Где бы ты мог быть, если бы был на рисунке?» Как только ребенок располагает себя в каком-то месте, он вступает в отношения обмена с неким другим. Это как раз и означает заставить говорить рисунок, а не просто откомментировать его содержание; подобный комментарий мы недавно видели в телепередаче – когда предполагаемые терапевты вглядывались в рисунок ребенка, пытаясь что-то отгадать и высказать различные объяснения. Нет, нельзя пересказать рисунок, он есть сам ребенок, который рассказывает *себя* через рисунок. Рисунок – это какой-то фантазм, вынесенный в анализе за рамки времени; именно в этом качестве его необходимо слушать. И тогда мы сможем ясно увидеть возникающую структуру Я и сверх-Я, которую выделил Фрейд. Теперь ты представляешь, что подготовило для меня выделение бессознательного образа тела.

Ж.-Д. Назьо:

– Но именно смысл слова, каким он тебе представляется? Почему ты употребляешь слово «образ»?

Ф. Дольто:

– Это не образ в обычном смысле слова.

Ж.-Д. Назьо:

– Не некий отраженный образ, ты хочешь сказать.

Ф. Дольто:

– Совершенно верно, это не отраженный образ. Образ бессознательный, но не отраженный, субстрат языка на уровне отношений.

Ж.-Д. Назьо:

И тем не менее, ты настаиваешь на том, чтобы называть это «образ» («*image*»)?

Ф. Дольто:

– Безусловно.

Ж.-Д. Назьо:

– Поскольку предполагаешь включения, относящиеся к личности?

Ф. Дольто:

– Да, именно аспект личности, идентификации. Некий образ прочитывается в болезненной точке тела; и как раз там я нахожусь. Есть болезненный уголок у человека, и в нем находит себе место субъект, не допускающий вычленения его собственного Я. Боль будет частью образа тела как некое чувствительное место, где субъект может держать свое Я, или даже свое тело. Потому что тело для нас одновременно является бессознательной частью Я и местом, откуда субъект может сказать: «я». Мы обычно говорим: «Я, у меня болит², – странно, почему мы не скажем – оно болит в моем теле». Когда речь идет о чем-то активном, например, о проскользнувшем у нас агрессивном чувстве, мы говорим: «Это было сильнее меня сделать то или другое». Но мы никогда не скажем: «Это сильнее меня, что у меня болит»; напротив, мы обычно говорим: «У меня болит *там-то*». Это «у меня» – его надо понимать как некое «у меня», которое болит в его «я», в том самом уголке его тела. Все это очень связано с архаическими образами тела, лежащими, как я уже сказала, в основании нарциссизма. Я различаю три разновидности нарциссизма: фундаментальный нарциссизм, первичный и вторичный, которые организованы подобно луковице, состоящей из покрывающих друг друга чешуек. Но может быть так, что в прошлом имел место некий архаический телесный опыт, способствующий своего рода дефектности первичного нарциссизма. Например, недостаточно сформированная половая идентичность бывает у детей, носящих имена, которые могут использоваться одновременно как мужское и женское, или прозвища, позаимствованные у животных; они порождают хрупкий нарциссизм, а он, в свою очередь, способствует хрупкости формирующегося здорового бессознательного образа тела. Существуют также более примитивные нарушения на уровне фундаментального нарциссизма. Если фундаментальный нарциссизм плохо привязан к телу, то есть если базисный образ, через который субъект прочно связывает себя с собственным Я, остается хрупким, тогда возникает угроза, характерная для фобического состояния. Фобическое состояние состоит в постоянном контроле поддержания базисного экзистенциального образа, и в этом его содержание. «Это сейчас разразится» или «это сейчас исчезнет» – таковы формулировки, через которые угроза дает о себе знать. В своей книге я описала случай Жилля, ребенка, который боялся всевозможных углов: углов выступающих, углов в комнате, углов мебели и т. д. После двух лет лечения во время сеанса, который должен был стать последним, выяснилось, что слово «Anglais» (англичанин) или «Angleterre» (Англия) были означают опасностями, создаваемой углами-убийцами с исходящей от них тревогой³. За открытием последней сессии последовало полное исчезновение тревоги или, скорее, он оставил свою тревогу мне.

Ж.-Д. Назьо:

– Я как раз хотел спросить тебя, почему в своей книге ты уделяешь столько внимания фобическому состоянию?

Ф. Дольто:

– Действительно, это очень важно; фобия – это угроза диссоциации, которая нависает над базисным телесным образом.

Ж.-Д. Назьо:

---

² Русский перевод не вполне точно передает структуру французского высказывания, где «я» выступает как субъект действия; букв.: «Я имею боль» (прим. перев.).

³ По-французски начало слов «Anglais» и «Angleterre» омонимично слову «angle» (угол).

– Угроза диссоциации образа и схемы тела?

Ф. Дольто:

– Да, диссоциации образа тела и схемы тела; сущностей, которые в норме пересекаются, создавая фундаментальный нарциссизм.

Ж.-Д. Назьо:

Мне кажется, ты считаешь, что фобическое состояние – это состояние угрозы образу тела в тот момент, когда он является единственным убежищем от отчаяния. Как если бы самое существенное в субъекте, наиболее архаический образ тела, могло отмежеваться от субъекта. Опираясь на это твоё утверждение, мы могли бы сделать попытку максимально сблизить фобию и психоз...

Ф. Дольто:

– Я думаю, то, что мы называем психозом, очень часто является фобией. Мы называем психозом совокупность защитных процессов, направленных на избегание серьезной угрозы, которую означала бы потеря связи между I-ma-ge («*ici-moi-je*»⁴) и моим телом. В начале жизни, ближе всего к точке объединения влечений к жизни, у истоков жизни в пространстве тела существует угроза диссоциации. Мне кажется, именно она, эта угроза, изначально присутствует у так называемых психотиков, и в действительности мы должны их рассматривать как людей, охваченных фобией, которая заполняет собой все контакты с другими.

Ж.-Д. Назьо:

– Наверное, твоё видение психотика из-за присущей ему оригинальности особым образом направляет то, как ты слушаешь?

Ф. Дольто:

– Безусловно. Когда некто рассматривает того или иного пациента как психотика, он одновременно принимает решение не брать его в терапию. Наклеивается ярлык; отныне страх и убеждение, что лечение ни к чему не приведет, ведут к прекращению любой попытки слушания этих детей. Думаю, фактически мы имеем дело с сопротивлением терапевта, который не затронул сам в себе психотическое ядро и не понял, что психотик – это кто-то, кто защищает себя и защищает свой базисный образ.

Ж.-Д. Назьо:

Если бы мы хотели представить панораму различных теорий, теории Дольто, Мелани Кляйн и Лакана, мы бы сказали: для Лакана невроз и фобия, в частности, являются в первую очередь процессами, обусловленными наличием значимой основы, с плотным переплетением, и эти процессы четко отграничены от психотических процессов, форклюдивное происхождение которых перевернуло эту значимую основу, создав плотность, принципиально отличную от плотности невротической. Для Мелани Кляйн, напротив, фобическое структурирование уходит корнями в первоначальные параноидно-шизоидные механизмы и из них происходит. В то время как Лакан рассматривает фобию в отрыве от психоза, Мелани Кляйн делает из нее производную надстроенную структуру. Похоже, для тебя, в отличие от этих авторов, фобия могла бы быть в ряде случаев самым ядром психоза?

Ф. Дольто:

---

⁴ Франц. букв. «здесь – я-я».

– Да, ты прав. Приведу в качестве примера меланхолию. Меланхолик делает отчаянную попытку защититься от фобии, истерически отбрасывая ее на другого, то есть пытаясь заразить другого смертоносным влечением к смерти, это и означает быть меланхоликом. Я различаю влечения к смерти в узком смысле слова – влечения, с которыми я постоянно работаю, потому что для меня влечения к смерти – это здоровье, вегетативная и успокаивающая жизнь, – и, с другой стороны, смертоносные влечения к смерти. Точнее, меланхолия представляет влечения к убийству, повернутые против другого, навязывание ему чувства жалости, которому очень трудно противостоять. В конечном счете, если хочешь, меланхолия – это чрезвычайно ранняя истерия. Но я этому не верю.

Ж.-Д. Назьо:

– Чему ты не веришь?

Ф. Дольто:

– Меланхолии, то есть, если передо мной меланхолик, я говорю себе: это все-таки способ наслаждаться.

Ж.-Д. Назьо:

– И что нозология прямо зависит от того, кто занимается диагностикой.

Ф. Дольто:

– Действительно, в психоанализе перенос определяет то, как мы понимаем страдание другого. Значит, если меланхолику не чуждо страдание, мы также знаем, что он способен получать удовольствие и ищет его. В своем бессилии найти удовольствие он прибегает к особому изменению, пытаясь создать неудовольствие у другого. Конечно, вполне возможно существование разного рода изменений как у меланхолика, так и у невротика, поскольку в конечном счете изменение отражает волнение, присущее жизни.

Ж.-Д. Назьо:

– Но что же такое это изменение? Давайте вспомним, что в конце книги есть очень удачные страницы, где Франсуаза Дольто, говоря о собственном желании, дает самое лучшее, с моей точки зрения, определение понятия изменения. Вот пример со страницы 323: «Моя работа психоаналитика заключалась в том, чтобы задавать пациенту вопросы там, где, как я чувствовала, его поведение адресовало вопросы мне, и задавать их именно в той мере, в какой сам пациент адресовал мне вопросы в рамках отношения, которое он со мной устанавливал». Именно эта фраза напомнила мне об идее изменения в значении, близком к понятию вариаций в музыке. Потому что вывод, который мы делаем, прочитав эти страницы, заключается в том, что в конечном счете аналитическая работа с ребенком состоит во взаимном сопоставлении не только позиций, но и темпов, ритмов и в основе своей образов тела. Это значит, что аналитик действует, организуя столкновение и перемешивание своих собственных телесных образов и образов тела ребенка. Если ты рассматриваешь работу психоаналитика как расшифровку образа тела, то становится очевидно, что расшифровать сновидение, например, не значит прочесть его, имея ввиду интерпретации, но говорить бессознательно, через твой образ тела, используя тот же код, что скрыт в бессознательном образе тела ребенка. Вспомним случай девочки, которая была неспособна брать рукой предлагаемые предметы; мы могли бы его назвать, этот случай, «девочка, имеющая рот руки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.